

Елена Мамур

У ВРЕМЕНИ В ГОСТЯХ...

Лирика

Чернигов
2014

УДК 82-14
ББК Ш6(4УКР)6
М 22

Литературный редактор
Елена Сазонова

Мамчич Елена

М 22 **У времени в гостях...** Лирика. –
Чернигов: Издатель Лозовой В. М.,
2014. – 168 с.

ISBN 978-617-7223-34-3

Время, суровое, неотвратимое, несущееся со страшной силой, сметающее все на своем пути, остающееся в памяти века, открывающее новые поколения, – ты блуждаешь по душам и судьбам землян, живущих на этой планете только одно мгновение... Так будь же благословенно к нам, детям твоим, идущим по тропам бытия с верой, надеждой и любовью...

Новый сборник лирики черниговской поэтессы Елены Мамчич включает стихи разных лет, обращенные к Читателю думающему и чувствующему все многочисленные нюансы окружающего мира.

УДК 82-14
ББК Ш6(4УКР)6

ISBN 978-617-7223-34-3

© Мамчич Е., 2014

Светлой памяти моей МАМЫ,
Веры Алексеевны Баранниковой,
Человеку благородной души,
врачу, отдавшей медицине
более полувека, – посвящаю
эту книгу...

«У ВРЕМЕНИ – СКВЕРНЫЙ ХАРАКТЕР...»

Характеры людей, окружающих тебя, разные. Одни любят, другие ненавидят. Одни улыбаются при встрече, другие делают вид, что не замечают. Одни радуются вместе с тобой, другие не могут простить твоего успеха. Но всех объединяет одно – человеческая сущность, зависящая от «бытия, определяющего сознание». Это невозможно изменить, если ты сам не хочешь измениться... Неизменными остаются только характер времени, вечно голубого неба, нрав лукавого солнца и повадки беззащитной природы... Так уж повелось на планете Земля, и так, наверное, будет всегда...

У времени – скверный характер: бежит измочаленный конь, грехов человеческих фактор все судьбы поставит на кон... Смущений не знает в удаче, ручается быть навсегда, и в крике, и в жалобном плаче сквозь пальцы уходит вода... А ты одинок и раскован, у времени просто в гостях, и вновь ощущаешь оковы характера жаждущий страх... Безвременье сущностью станет, и примешь обыденный прах, ты, время, опять не обманешь, безжизненно тая в словах...

В характере любви так мало перемены, и так характер строг без бешенства огня, то в гневе весел ты, а то твои гаремы мечтаний и потерь – бездушная броня. Граничит беспредел бессолнечных рассветов с безумием чужих волнующихся губ, шалеют небеса, им не хватает лета, с собою очень мил, а вдруг – нещадно груб... Борись, характер мой, сангвиник и холерик, а в чем-то – меланхолика удел, во лжи дорожка есть, и правдою проверишь всю флегматичность безнадежных дел... Характеры судьбы, страны и безнадежья на бездорожье робости и смелости греха, ликуй, благая весть, я не такой, как прежде, я твой, моя строптивая и верная строфа...

И если ты один идешь по мостовой и сердце одинокое скучает, – не покоряйся, ты ж еще живой, и дождь звенящий вновь тебя облает... Кто знает, может, в днях, темнее туч, проснется солнце в небе величавом, и под обвалом лет засветит луч – и ночь смутится пред рассветом алым... Поверь, все будет очень хорошо, раздай долги не ждущим подаянья, прими любовь, как мир надежд большой, отдайся ей, блаженной, на закланье...

Нерукотворное творенье пустоты,
звнящей от потерь, вины, расплаты, в
угаре дня, наляпавшем заплаты на явь
блуждающей мечты... Глоток свободы
откровеньем нежным уже испил,
бросаясь в тишину, и захлебнулся
преданной надеждой, идя ко дну...
Росток весны, громящей все подряд в
заботе ожиданий и простоя, чудес
просил, их долгий терпкий взгляд еще
подарит чистоту покоя... Глупец, мудрец,
ваятель или монстр пройдет страницей
жизни поколений, оставив след в лучах
нелепых солнц, светивших всем без
устали и лени...

В себя влюбить посмей весь белый свет, принять урок в истошном крике боли, в ответах миру – лихорадки бред, спасенья нет, и жизни нет в неволе... С собой зови, отчаянье презрев, и не давай покоя ни минуты, а лести обезумевший напев придавит даже ветер лютый... Да, белый свет уже отвоевал, прощая гнев и бесполезность сути, ты вечно прав, храбрившийся бахвал, идущий лезвием оставшейся минуты...

Так чуток времени разбег – минуты
кожа ощущает, смешные сказки, горе,
грех оно неверным не прощает. Как
тяжелы его шаги по судьбам вечности и
рока, себе поверить помощи в объятых
верного пророка. Его всевластие прими,
смирись в покорности печали всепогло-
щающей любви в обмане праведной
морали...

Я так хочу тебя увидеть, Мама, вдруг ощутив блаженное тепло, вступить в объятия сладкого обмана, приняв потерю сердцем и челом... И, заслонив тебя от вечности и рока, взяв за руку, к спасенью привести, познав жестокость терпкого урока, поговорив с тобою, душу отвести... Ты все поймешь глазами и улыбкой, меня обнимешь будто невзначай и страшную минутой краха зыбкой вдруг скажешь: «Доченька моя, прощай...». Но ты ушла, а мы пока остались осознавать судьбы упрямой быль... Молиться за тебя не перестану, приняв прощенья горькую полынь...

«В ОБУГЛЕННЫХ СТОЛЕТИЯХ...»

Бренность века и бытия, прошедшего
насквозь души и сердца поколений,
чуждая страна, убившая миллионы за
абстрактную идею всеобщего равенства и
братства, страна, остановившая время в
крови и костях невинно убиенного народа,
верившего в лучшее партийное будущее,
страна, проклятая Богом и людьми,
сбрасывавшая кресты с колоколен соборов
и церквей, уничтожавшая священно-
служителей... На коленах просить тебе
прощения у неба...

В обугленных столетьях остановка уже, бывает, просто не нужна, зубами щелкая, приходит перестройка – и с нею гибнет дикая страна. Союз рабочих и крестьянских истин звезда кровавая венчает в полутьме, и социум нелепость чьих-то жизней, щетиня шерсть, волочит по земле. Но вот она, желанная свобода, в булыжниках орудий залегла, приبلудавласть в объятиях народа крушит добро под ореолом зла. Как безгранична эта дисциплина в медалях дней, повешенных на грудь, под блеск огней чернобыльской полыни ты так далек, безгрешный, светлый путь...

О этот шум многоголосый, дороги
кладка в никуда, и обожженные колосья,
кирка и лом – удел труда... За островами
километры, дома – без крыш, дверей,
крыльца, конец любви, полеты ветра,
обрывы пуль – огонь кольца... У посети-
телей музеев и воскресенье – судный
день, страна оболганных плебеев, где
ночи – пир, а счастья – тень... Дорог
направо – нет в помине, дороги влево –
тоже нет, и топчет время грешных имя
под бесполезностью побед...

Судьбы эти с корнями вырваны, запечатаны на века и расстреляны, бескозырные, и завещаны тем гудкам, шагом прокляты, сталью мечены, отвоеваны в пустоте, незажженными стали свечками, в безнадёжности и нужде... Судьбам этим хватило зависти в суете любопытства дней, в крике взорванном гневом праведным сыновей твоих, дочерей... Что ж, страна, ты опять, продажная, отдаешь своих за гроши? Болью тяжелой, тоской сермяжною за щепоть чужой анаши?.. Воля-вольная, безответная, только им она не нужна, их судьбы удел – память ветхая, вечность грешная да война...

Совсем другая жизнь потянет за собою, в поля, в леса, под небо и дожди, и солнца луч, и звезды над рекою, а не идеи, нормы и вожди. Поймешь себя, других без лжи сомненья, без робких слов и нетерпенья глаз, когда сердец несмелое биенье к себе прижмет не завтра, а сейчас. В ветрах потеря вовсе не заметна, подумаешь! – без радости живешь, еще одна приятная примета – и сможешь все, и гимн себе споешь. Тебя оценит смелость поколений, сожмет в кулак терпенье и закон, и даже пустозвон бродящих мнений не перейдет опасный Рубикон. Ты не один, нас много, бесконечных, липучкой памяти прорезавших судьбу, в святой молитве зажигающих свечи, идущих с миром на свою страну. Нас, принимавших бой и правду гордых, пусть не обманет сладкая печаль, и от ворот уйдут лихие морды, принесшие с собою пули сталь. Господь простит раскаянье слепое, поверит вновь неискренним

долгам, пророчит нам победу без покоя и призовет раскаявшихся в Храм. Дверь распахнется для добра и блага, икон святые лики славят день, и стерпит все портрет, перо, бумага лишь для того, чтобы не сдаться в плен. И окончательно вернется радость встречи, и расстояние не помеха ей, и взгляд судьбы, как прежде, свеж и вечен, душа твоя – добрее и сильней...

Блаженная беспутная планета уже устала всех за все прощать, расплаты ждут четыре части света – за гнев проступков жизнью отвечать. В кровавых днях под небом беззащитным, взбешенным бездуховностью земли, в строю предлогов, скромно благовидных, сыны страны моей безвинно полегли. Там, где туман смыкается с водою, где солнце погорелое встает, судьба детей священной борьбою в безумстве боя – прерванный полет. Их не обманешь полосой удачи, не одурманишь ласковостью лжи, когда трава под телом горько плачет над сумасшествием потери и вражды. Прими в ответ беспамятство неверных, прошедших сквозь огонь и трубный звон, кто был вторым, а кто-то – вечно первым – вновь пересек проклятый Рубикон. Они твои, бесславная планета, в руках Земли – их жизни и любовь, и только ты – всегда за них в ответе, и присягнут они пред небом и тобой...

Мы не привыкли воевать, мы не хотели убивать ни ум, ни честь, ни совесть... И не исписана тетрадь, не пройдена земная пядь, и смерть – на воле... Вокруг опять кипит война, ей все – по силам, не до сна... И в нежном блеске синих звезд она задумалась всерьез о судьбах грешных непростых, так, походя, сметая их... Не остановишься – поймешь: людская доля – медный грош, припавший пылью на полу... Опять тебе не по нутру простая память века для... уничтожения огня...

За правду бесполезности страны,
отдавшей силы на алтарь победы,
прощения у Бога попроси, прощение
негласное изведав. Ты очарован,
сумасбродный век, оружия трезвонною
бравадой, слабо тебе прочувствовать свой
грех, приняв условие извечности уклада.
Оставь надежды, благость бытия, жизнь
наломала дров на серых буднях, крутая
ломка, брэнности судья, идет по душам и
бесхозным судьбам...

«...Отпегатались события разграба Храма. Колокол, сброшенный с колокольной, весил 6250 пудов. Для того, чтобы сбросить его, понадобилось прорубить в стенах колокольной дополнительные отверстия. Колокол упал, но не разбился. Добивали эту красоту его же азыком. Потом куски погрузили в машину и увезли.»

Из воспоминаний очевидцев 20-х годов XX века

Ломали колокол, бросали с колокольной и церковь рушили униженным огнем, село стонало ропотом безвольным под гром и молнии обманутых дождем. Ты падал, колокол, цепляясь за руины, и боль терпел, разнузданную боль, а равнодушием глядели спины предавших и надежду, и любовь. И вот слетел, простившись с колокольной, но цел остался, вопреки врагам... Под залп «Авроры» беззащитный Смольный и тот все выдержал, не

пал к босым ногам... А чернь смеялась, когда, гулко стукнув, ты приземлился грузно с высоты, набросилась – и, с жадностью манкуртов, твоим же языком добит был ты... Но не стонал, не выл, не извивался под пытками недюжинных «борцов», в душе ты пел и будто бы смеялся над славою и дедов, и отцов... Прости их, колокол, детей бесчестной эры, презревших благородство, мудрость, честь, поправших Божью бесконечность Веры, рукою Божьей освятившей крест...

«ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД ДОРОГОЙ БЕЗ КОНЦА...»

Дороги... Дороги, которые мы выбираем, дороги судьбы, дороги любви и предательства... Дороги, которые выбирают нас... Но ведь могут так никогда и не выбрать... Как же мы тогда? Куда идти? Кем становиться, а не казаться... Дороги из небытия в никуда, а может быть, это плата за бесполезность существования и бездарность победы? Помоги же нам, небо, остаться на том пути, который выбрал нас и который выбрали мы...

Движение вперед дорогой без конца,
без сна, без остановок и печалей...
Движение руки, движение лица и вечный
подвиг тел под взгляд морали... Желание
идти так тихо, не спеша, в периодах
судьбы не видно света... Ты осторожна,
верная душа, летишь, прощаясь с тем, что
недопето... Я остаюсь на бездорожье дел,
одна ты у меня, бродяга-песня, я не
смелá, у песни – свой удел, да только ты,
Судьба, со мною вместе...

Под огоньком земного бытия вновь переждешь дорог упрямых ветер, цена свободы – воля не твоя, обет молчания – все так же бесконечен. Подборка строк беспамятных стихов – вот твой удел, без пышности и лени, и посулит надежду теплый кров, и, может быть, – благие перемены. С рожденья и до века ты любим, всегда один в плену усталых истин. И околдован робкий псевдоним единства и раздора коромыслом. Презрительна знакомая тропа, идти по ней – лакейство артистизма, душа разрушена – и предана строфа, и зрелище – немислимая тризна. Вновь обойду явлений передел, не объяснить, не осудить, не растревожить, язык эзопов – безнадежно смел, в словах запутавшись, прощение не гложет...

Конверт почтовый кораблекрушений,
расчет – безумный, мера – без числа...
И предназначена судьба обмана мнений
героям века в лодке без весла. Бумаги
ценной знаешь вес и душу, оправа
логики – что капля на стекле, и твой
покой сомнение не нарушит, приняв
попутчика в добре или во зле. Дорога!
Я повенчана с тобою! Как эти краски
вмазаны в мольберт! Храни, любовь, от
боли и покоя клейменный гнев,
порушивший конверт...

Неповторимость каждого мгновенья...
И эта тишина, и листопад... Да будь ты
принц иль нищий, даже гений, –
неповторим дорог далеких взгляд... Путь
освещен сердцами поколений, за мир и
дружбу падающих ниц, в лукавых песнях,
ищущих сомнений, в цепях железных
века без границ... Безумен путь, но
жаждет неумело все повторить, в
случайности маня, неповторимость, где
твои пределы? В чем суть твоя,
признавшая меня?..

Опять начинается старая песня осенних дождей, затерявшихся в сизых ветрах, рассветов глухих, на закате унынья и лести, без брошенной оземь отмеренной платы за страх. Не рушится лед у причалов побед и восторгов на пыльных дорогах, не склонных прощаться с тобой, скитаюсь по отблескам залповых солнечных оргий заброшенной птицей – ей больше не нужен покой... Останусь навеки в беспмятстве гулких столетий простым отголоском рутинных исчерканных лет, началом потерь и огня, что в грехе не заметил той смелости сердца, которой прощения нет...

Я вижу мир таким, как есть, в блудливом смехе черноротых зависть, обман и злость, лихая спесь тебя, планета, скоро не оставят. Но ты живешь в спокойствии своем, и катят волны океанов бездну, народы ропщут, воен – неум, а ты молчишь ухмылкой скабресной... Как долго будет длиться тишина, твоих оков распятая немилость, когда проснешься от слепого сна и снова ощутишь добро и силу? Открыто небо радостям мирским, и глянет солнце в верные рассветы, земля родная, мир тобой любим назло венчанью с грешною планетой...

«БАЛЛИСТИКА ЛЮБВИ...»

В любви рождаемся, живем и уходим
в иной мир в вечном поклонении к ней,
этой удивительной, никем не постигну-
той сущности, которую суждено
узнать всем и каждому, живущему на
нашей непостоянной планете Земля...
Сохраним же ее в сердцах своих с благо-
дарностью за то, что она была, есть и
будет всегда...

Отверженным, оставленным над
бездной бытия во времени, продавленном
землёю, на строчках века осторожных...
не предназначена любовь... Она им
только снится и в чьих-то лицах проходит
мимо, пролетает птицей с подстреленным
крылом... Под небом успокоенным
молиться стоит всем нам за них, нелепо
скроенных, и обделенных ею...

Слева и справа – опасность удачи, ветер кудрявый несется с горы, дзоты в траншеях от пули не спрячут, приговорят всех влюбленных к любви. Изредка песней соловушка кличет, затемно солнце упало в поля... Пусть захлебнутся безумные спичи и остановит движенье Земля...

Рискую я, рискует белый свет, нам
риск – по праву, по плечу, по силам,
и каждый день под звон тугих монет
я ношу острокрылую носила... А крылья
за спиной так тянут в небеса, зовут с
собой в полет дожди и птицы, у ветра
спелого – твои глаза, в них невозможно,
выжив, не влюбиться... Баллистика
любви... по минам – за добром, а зла
не видишь и не слышишь даже, там ты и
я у памяти вдвоём под пир лукавый,
бережно бумажный... Грешна, прости,
а в чем-то – не у дел, от осторожности
до риска – лишь полшага... Прими,
любовь, блаженства передел у вечного
поверженного флага...

А на дворе – эпоха одиночеств, в изломах судеб так мала земля, и не хватает мужества тем зодчим, что души греют солнцем без тепла...

Я помолюсь с тобою за тебя, огонь свечи нахохлится опять – и очищение разобранного дня позволит что-то снова не принять. Остаюсь в бликах солнца и весны, и в летних зарисовках ветерка, вдруг отпустив седую осень в сны перед порогом зимнего мирка. Как не хватает мне тебя порой, и в прозе строк не высказать беды, заледенелый молчаливый зной собой накроет ласточку судьбы. В корнях словесных мечется раскат, и ни на йоту не слабеет боль, и только воли незнакомый взгляд – под говорок любимый и родной. Древесный одурманенный полон и узников упрямая печаль, и карканье оболганных ворон позволят ничего не отвечать. Ты будь всегда, ведь ты и раньше был у подворотни позабытых фраз, когда терпенью не хватило сил и ангел покаяния не спас...

За дирижерским пультом – снова осень, своей улыбкой чувствует весну, еще не требует, но и уже не просит принять любовь за радость и судьбу. Она не станет роковой минутой, она не будет больше петь и ныть, а вдруг захочет судеб, в кольцах гнутых, и рек без берегов, к которым плыть. Она молчит молчанием рисковым, бросая взор на солнечный накал, гремит ключом от двери чудно новой, где каждый клерк еще не все сказал. И затаилась тайна наших взглядов в умении читать, не говоря, и робостью раскопанного клада так откровенна грешная земля...

Швыряет на землю сегодняшний вечер любовь, и кружит раскаяньем близкая завязь минуты, и вновь просыпаюсь в ненужности вечных кругов разлуки, тоски в бесполезности брошенных суток. Глупеет, хмелея, бродящая всеуе молва, не смея прощать и проститься внезапно, шутя и надолго, и снова не слышат биения сердца слова в гудящих надрывно слогах многотонных. Что их повторять бестолковостью верных основ?! Общенью живому на высохшей почве не выжить, и так далеки расстоянья случайных грехов, которых уже не принять и в беседе с собой не услышать...

Там, где выцвели травы, в деревьях играет свирель, молодой пастушок, в летний вечер смешливый подросток, зарисует добром нежных красок твоих, акварель, бесконечность пред солнечным светом подмостков. Ты еще так добра, уходящая в осень пора, небо в ласке своей так легко и беспечно, и блажит в чуде лета святая природы игра наслаждений пред завистью осени вечной. Ты постой, не бросай нас в объятья могучих ветров и дождей, замороченных в вечных сомненьях, ты останься в судьбе не разгаданных веснами снов, робким взмахом крыла искупая свое нетерпенье...

Молчу... И вновь молчу... Не слышу откровений бродящей болтовни, раскованной в словах, еще звучат, горят чужие мнения, награды ищут в пламенных речах. Подбрось огня и дай им разгореться, чтобы с собою справиться смогли в оценке гордости, идущей не от сердца, а от беспомощной и лапотной любви. Смогу ли я, стараясь измениться, принять рассказ вне прозы и стиха, и на распятии исписанной страницы познать блаженство веры и греха?.. Прости, любовь, мгновенье искушения, когда в бессильи хочется кричать, молчаньем дней изведав искупление в спасении от гнетущего меча...

В моей молитве – бесконечность, в седых свечах – обрыва смех, безумен мир, всеядна вечность, продажна сущность, вязок грех. Заснежен путь, далек и невредим, в пустынях боли нет уже в помине, ты ненавидишь, но еще любим, и повторяет вечность твое имя. Ликует жизнь, ответов не спросив, так робок луч все сильного заката, звучит, играя, сладостный мотив, но чует сердце колокол расплаты...

Нашепчу себе вечность рассветов и седую потерю огня, бесконечность от робости лета в невозможности ночи и дня. Призову и внезапность измены в риске призрака грома и гроз, легкость крови в блужданиях по венам не растаявшей капелькой слез. Призову все возможные силы для защиты от боли и зла, чтоб Судьба от невзгоды хранила в беспределе земного тепла. Я останусь свечой и молитвой, нежным словом, цветком в сентябре, ветром грешным, надеждами свитым в звездах неба на чистой заре. Я останусь, как память земная, для желанья верить любя, на пороге безумного рая, где так долго не будет тебя...

В лесу глухом из слез и расставаний
не слышно неба мира и любви, и грех
неистовства исполненных желаний, что
ищет плоти, снова – визави. Бредет
устало путник сизокрылый в дорогах
случая и мирного житья, а вслед глядят
невидимые силы, без лжи и правды, из
небытия. Я не люблю... Мотив минора
мрачен, угрюмо просит пищи без потерь,
и прах его под жалобой удачен, а прав ли
он под хитростью, – проверь. Молчанием
подернуто столетье, безудержно гневит
земля моя, и гонит прочь любовь
колючей плетью, добро и свет под
крышей бытия...

Наивная, думала: поровну достанется сердцу огня, ему и себе... Только вороны накаркали осень не зря. Шумела листва, вся в сомнениях: лететь под ветрами иль жить... Обманчиво предано мнение в опасной привычке любить. Она ожидала раскаянья, умея красиво прощать, но грубо запаяны сваями слова под скупую печать. Лихая беспутица вешняя в осеннюю брошена муть... Как будто душа – еще прежняя, да только себя – не вернуть...

В чем ты, любовь, открыта для двоих? Твой голос – в ветре тишины бескрылой, ты – одиночество, блаженства страсти крик и солнца блик распятою могилой. Ты – безмятежность остроты житья, ты – быль судьбы в невинности печали, ты – добродетель, звон монет литья и отголосок праведной морали. Ты – сердце, голова и руки дней, обеты отторжения пристрастий, ты – бездна отрешенности идей и в пропасть лестница..., а может, – к счастью?.. Ты – сам Господь, ты – Ангел, а не грех, ты честь для нас, награда и расплата... За то, что ты – одна, одна – на всех, – мы обвиняем... Ты – не виновата...

«В СЧАСТЬЕ И В ГОРЕ ТЫ ВНОВЬ ОДИНОК...»

Что такое счастье?.. Осознание себя в этом мире зла и беспокойства за свою судьбу и судьбы своих близких? Разодрывание в обмане лет и дней? Верное стремление и цели без границ и условностей? Мечты о несбыточном и реальном? Сердечная торопливость и смена настроений, вопреки дождям и солнечным бликам?.. А ты, Читатель, знаешь ответ на этот вопрос, будораживший сомнения миллионов и миллионов прошедших на этой земле в любви и ненависти, но так и не получивших ответа?..

И это все называется – жизнь?
Грусть – колесо, всех прощай и держись?
Белая мгла вечно юной зимы счастья и
зла надавала займы? Кружит планета по
гулким годам, лучиком света шарит по
дням, войны без мира и мир без войны –
вечная лира веры и тьмы. Парус надежды
под ветром далек, в счастье и в горе ты
вновь одинок...

Остановитесь! Я – живая, по кочкам дней ползу из рая, изломан, искорежен свет, в дверях открытых счастья нет. А есть беда, добро и воля, ты измочален острой болью, не ожидающий ответа в людских объятиях без света. Как быстро-течен бег по времени, живой росток из злого семени, восьмое чудо света – ад, и к двери вечной нет преград...

Приглушено солнце рассвета... Так боязно жить на краю, где знойное, томное лето судьбу обсуждает мою. В закаты зову, не смущаясь, тебя, но останется боль, мы вместе ее перемаем, ту чашу мне выпить позволь... Крадемся судьбой осторожно по тропке, что еле видна, в ладонях краснеет морошка и соком кислит на губах... Последняя беглая песня, блужданье слепого дождя, а счастье, глядишь, и окрестит под небом тебя и меня... И станет смешным настроенье, в нем слезы со смехом – всерьез, бросаюсь, непризнанный гений, в обитель прощающих гроз...

Я готова уйти, только ветер в лицо, засмеяться опять не удастся, вновь готова упасть на чужое крыльцо, на сухие опилки от счастья. Усмехнется закон, все опять не по нем, ослепление меня не осудит, этот чуткий и грубый лихой Рубикон не сломать..., перейти... Только люди... вдруг осудят зазря, наплетут во вранье, не поняв, не приняв лихолетье, где-то в дымке унылая всхлипнет заря, обжигая досужие сплетни...

Не хочу быть твоей – не положено,
не сумею простить – не смогу, вечно
смелое счастье низложено – просто ветер
упал на бегу...

И, птиц летящих обнимая взглядом,
просила не забыть и обо мне в туманах
городских и листопадах дождей осенних
ночью, в тишине. И под огнем расстрела
пулевого, где слово бешено, как будто
пушек залп, и у порога отчего-чужого
под флагом неприкаянных держав. И там,
где не была и где не буду, где вещей
птицей больше не летать, — я остаюсь
меж вами, птицы-люди, меня своей
попробуйте признать...

Трагический проступок – любви святая жадность, греховная наука с горчинкой – гордых слабость, ну где ты научилась, прощая, не прощаться, дарить судьбе немилость – не быть, а лишь казаться?.. Ты – спешная измена, творенье рукотворных, бежать тебе по венам свободолобом гордым... Ты – страшная минута, мгновенье рая-ада, века фальшивой смуты в объятиях отрады... Не уходи с рассветом, в закаты не спускайся, твои слепые дети грешат, а ты – покайся...

Не остаюсь под солнцем сизокрылым, не ухожу в молчанье лишних слов, мир – только мой в объятьях вечной силы пред именем твоим, любовь. Заметишь ты благие перемены и примешь их в разгоне бытия, не выйдешь из придуманного плена, когда вдруг позовет любовь твоя. Она рискует вновь не возвратиться к своим сетям раскаявшихся душ, в молитве не взлететь счастливой птицей, а окунуться в вековую глушь. Прими, любовь, людское откровенье и слезы женские, и мужество мужчин за счастье бесконечности мгновенья и радости без видимых причин. Рискуй, любовь, своим терпеньем нежным, защитой стань, спасением во мгле, и новой будь, но оставайся прежней во имя всех влюбленных на Земле...

«Я ЗНАЛА ДОБРО И НЕГУ, И ДРУЖБЫ МИРСКОЕ ЗЛО...»

Дружба и любовь – две грани, которые рано или поздно вышьет каждый, и только от нас зависит, кем будут напомнены они: искренностью, щедростью или скупостью, разумом или безумием, верностью или мновением, правдой или ложью, блаженством или постоянной карой за все то, что случилось или не случилось, принесло радость или, может быть, оставило след в душе непреходящей болью, ежесекундно напоминающей о себе... И вдруг внезапно понимаешь, как ты слаб, мелочен и бесконечно нищий тем отсутствием тепла и доброты, которые дарят эти великие сильные чувства тем, кто сможет пережить их, принять и подарить другим, а те в свою очередь передадут их дальше, и никогда не прервется эта нежная нить, соединяющая сердца или разрывающая их пополам непониманием огромной миссии, возложенной на нас, являющихся только малой частью бесконечной Вселенной...

Дружить с собой не всякому позволю и с дружбою своею не подойду, побыть так хочется свободной, к воле вольной, не испытав победу и нужду, и в рыхлости рассвета небывалой, когда ни звезд, ни солнца не видать, как мало вас, друзей, уже осталось, что сердцу безнаказанно принять. Как мало вас, живущих в расстояньях, подавших руку в правде и во лжи, познавших нежеланье и желанье на тропке той, затерянной во ржи. Но пусть вас будет так же очень мало, друзей неискренних у праведных ворот, когда судьба еще не все сказала и дел земных пока невпроворот...

О верная дружба, кому ты нужна?
Кому бесполезностью служишь? Кому
отдаешься с волнением сполна, зажавши
ладонями уши? В чем воля твоя? Под
перстом сатаны ты будто проснулась
случайно, слова отлучая от мира-войны,
лукавя от явности тайной. И, в плен
попадая на слово огня, бросаясь в
блаженную негу, себя не продай,
острословье храня, в угоду блудливому
смеху...

Я знала добро и негу, и дружбы
мирское зло, блаженство седого снега, и
крест, что ветрами несло... Сносила и
грязь, и небыль, и тьму, и дожди, и гнев,
нехватку воды и хлеба, и скучный
бездомный хлев... И ветра упрямый
лепет под серый размах крыла, и сонного
неба трепет, куда дотянуться смогла...
О Боже, ну в чем отрада? В грядущее
светлый путь?.. Строку бесконечной
баллады вершит беспощадный шут...

Не возродить былую славу в кругу отчаянных друзей, огни давно чужой державы не светят брэнностью идей. Живешь, как инок осторожный, что в келье вечный суд вершит, в тревоге дней правдиво – ложных душа, смиряясь, не болит... Как час лихой опять настанет, на поле брани позовет, мы вновь солдатами все станем перед замком чужих ворот, и, может быть, тогда помянет держава братьев и сестер святой водой... Благоую память не сможет сжечь веков костер...

Доказано временем четким, и дружба совсем не в чести, швыряет под утлую лодку безумие вечной тоски, погаснет и эта отрада, оставив от солнца лишь мрак, чужого прощенья не надо, а небо смеется – пустяк...

Спасу себя от темноты и лестных слов, добро творящих, и от невинной слепоты друзей по счастью и несчастью, и от удачи, и тоски, от слез и радости лукавой, где под крестом небес руки еще осталась чья-то слава...

Все станет бывшим через много лет,
и нить друзей сплетется Ариадной,
несмелой биографии портрет и жизни
план обман сожжет всеядный, и
распознают редкостным чутьем свою
удачу под спектакль злосчастный, и
пропадут под жалобным огнем все
лжепророки мрака безучастья... Еще
минута на святых местах – и навсегда
уйдет крутая юность, под шумный день,
блуждающий в мирах, звезда нечаянно
души ее коснулась...

Не хватает друзей, не хватает тепла,
и обманов любви не хватает... Неужели у
солнца, без крыльев, одна – на пороге
блаженного рая?..

Осталось так мало медалей под
крышей привычных утех, смелеют
жемчужные дали, а дружба находит не
всех... Застывшие реки надежды, плоты
без любви и тепла, и вёсел в уключинах
скрежет в плену у родного угла...
Живешь и слынешь в одночасье, и
фыркают дни, и жуют насмешливо
гордое счастье под бременем хмурых
минут...

Чужие люди в масках затрапезных
проходят мимо, вверх ведя и вниз...
Друзей неверных в схожести помпезной
еще так много обещает жизнь... И могут
быть не познаны в сравненьях за дымкой
туч успехи и долги... Под тяжестью греха
замшелых мнений – кольцо огня, что
подали враги...

«И СНОВА С НЕБОМ – ВЕЧНОСТЬ- ФАТУМ...»

Судьбе покорись или восстань против ее упрямой сути, стремись к миру или войне с самим собой, признай ее победу или поражение, будь готов к ее ударам и редким подаркам, научись ценить ее уроки в умении признавать свои ошибки и просчеты. Будь верным самому себе и тем, кто дорог тебе и кому дорог ты...

Я прыгну с обрыва и стану у самой воды, походы в леса – заблуждение и просто отрада, а всякая дичь, что наградой тебе – за труды, в ответ не простит запоздалого взгляда. Сметается всё перед чистым забвеньем Земли, и будешь изломан дождями, снегов перелетом... Объятья воды примут тихо и ночи, и дни, и шепот Судьбы, что завещаны мудрым пилотом...

Остроконечная лавина побед чужих и поражений, один остался, будто инок, в плену проигранных сражений. И снова с небом – вечность-фатум, смущаясь, звезды покраснели, и близок час лихой расплаты, и скоро засвистят метели... Зима и лето, вёсен осень все так же над землей промчатся, характер времени несносен, и бесполезно с ним сражаться...

О одиночество! Святая простота!
На что надеешься в тени усталых судеб?
О ком заботаешься? И в чем твоя мечта?
Кого еще ты мимоходом сгубишь? Где
твой предел?.. Оставишь за чертой того,
кто не умел с тобой сражаться, не принял
бой, и на горе крутой – паломник у
завещанного братства... Ты – боль души,
обман и вечный крест, ты – расстояние
отчаянья и горя, на чью судьбу укажет
грешный перст, – тот не посмеет
приговор оспорить...

Мир приключений – безмятежность мира, ответ не прост, а сложен и суров, еще послужишь мне, благая лира, еще ответишь узелками слов. Не обманусь, входя в твои просторы, поверив чуду верного греха, сниму заклятья вольных заговоров – вдруг, став спокойной, потечет река. И приключения, и страсти, и напасти, и ветер запахом прошелестит, вновь примет свет блаженнейшее счастье – уйти в объятия искренних молитв. И снова день, и снова ночь, и песня – продолжают век невзгод и перемен, остановись, мгновение, без лести рисуя мир распятий и измен...

На ощупь, путаясь в ветвях, и падая, и вновь вставая, живешь за совесть, не за страх, улыбкой боли боль стирая. Живешь, как будто и не жил, существовал, но грезил солнцем, и в небе ветер заслужил, и дождь глухой стучит в оконце. А если сможешь обмануть бесславных дней земную волю, возьмет удача верный кнут и подстегнет крутую долю. Ну а когда ты на коне – уже не страшен серый ветер, и снова ты в благом огне открыт для доброты и света...

Горька дорога переменной под новый стиль пугливых лет, принять непросто бренность мнений, когда долгов случайных нет, когда не снится шепот грусти, когда лепечет пустота, когда романтика – без чувства, когда провалена мечта, когда бродить душа устала, когда грехов – стальная клеть, когда удача больно жалит, когда в фуражке нет монет, когда не можешь обмануться, когда слетает сон лихой, когда обязан ты проснуться, когда ты сам уже не свой... Приди ко мне с повинной, совесть, все – преходяще, вечен – свет, и вряд ли ты себе позволишь принять безжалостный обет...

Отчаянье века – это лишь ты, не ждущий прощенья обломок мечты, рука правосудья, объект маеты, и пристань надежды, глоток чистоты, лукавая робость и грешная боль, и то, что заставит проститься с тобой... Ты – вечность мгновенья, раскованность дня, и шепот сомненья в порыве огня, ты – первый, последний – ни шагу назад... Твою бесконечность лишь солнцу познать...

Миг откровений, без конца и края, на лестнице судьбы, от ада и до рая, мы – странники твои, земная твердь, паломники твои, эпоха-смерть. Храни же нас от боли и печали, тщеславия, пророчества скрижалей, надежды вечная гордыня, на росчерке веков жестоких... И донине...

Сомкнуты губы. Сдвинуты брови.
Век небылиц. Роспись древняя стен. Даль
бесконечна заревом новым. И не уйти от
Судьбы насовсем...

«В СТРАСТЯХ СЕДЫХ ЗАПУТАЛАСЬ ЗЕМЛЯ...»

Земля моя, беспокойная, любимая,
страстная и нежная планета, будь вер-
ной под мирным небом и ярким солнцем,
давая живущим испытать ясность и
чистоту мгновений жизни в постоянном
стремлении человека что-то изменить и
измениться самому...

Нас, не любимых благостью небес, ещё так много на земной равнине, и так легко нести постылый крест, невинностью страстей сгибая спины... И всё ж в пути, уставши от перста, ладонь светла вечерним блеском света, а где-то там – мирская суета и правит бал гулящая планета... Не одинок, не робок, не силён, с горы несёшься, позабыв бывшее, в травинку беззащитную влюблён, разрушив дом, ты снова счастье строишь... Прости за всё меня, себя, всех нас, не отпускай дождей косые струи, приняв терпенье, каждый день и час, и ветер, что спасает гневом всуе...

Неси меня, бесстрашная планета, под вдохновением расплаты дней лихих, уже темно, не видно страсти света, толкаю время в откровенный стих. Его гоню, пути не выбирая, в обманах путаясь, скользя по этажам, в июль вхожу, не выходя из мая, секунды пью – стекают по губам. Но ощутить хочу заветы предков, ты, море, сильное в рискованном броске, смеётся жизнь воробышком на ветке, твоя рука – ещё в моей руке...

И, оставаясь вечной недотрогой к чужим поверьям жизни и вины, я вновь прошу прощения у Бога на том пороге, где ещё дают займы... В страстях душа устала, запылилась, на волоске повисла в голосах, но так же истово и преданно молилась, разлукой заглушая боль и страх... Была твоя и остаюсь твоею, и дням, оставшимся на воле, присягну, я всё смогу, но только вряд ли смею предать кровинку на святом снегу...

Моей душе – совсем не столько лет, чтоб ощутить лихую пору – осень, предать огонь, взорвавший белый свет, и напроситься без подарка в гости. Бегу туда, где смел любви порог, а расстояния – бесстыдны и безгрешны, остановлюсь развилкою дорог в обмане бездны веры и надежды. На перекрёстке страсти грустен мир, а мусор дней разбросан у окраин... Благодарю тебя за щедрый этот пир, где вечны небо и земля святая...

От гордости ночи до смелости дня –
немного шагов по рассвету, себе
оставляю, бесстрашье храня, быть верной
и солнцем одетой. Бросает от славы к
нелепой хуле, блаженство чудес не
обманет, и снова к надежде в заветном
огне в блужданье далёкое тянет. А вам,
бездуховным, уже не понять, чем сердце
моё виновато, опущены руки на слово-
печатать, молчанье – вот истинность
злата...

И ослепил меня огонь твоих нечаянных соцветий, многоголосье колоколен под робость рук и близость глаз... И ослепил меня огонь твоих вопросов безответных, не спас тебя безумный вечер, меня не спас... Над подземельем страстных дней не всходит солнце под дождями, и небо-несмышлёныш так рискованно грешно... У подворотен – бред теней, гуляет в них бродяга-ветер... Не слышит пения молитвы твоё раскрытое окно...

Следы на песке... Это тихо любовь
прошептала... Прошуршала дождями в
упругих осенних ветрах... К звездам
ринулась вдруг, в небеса... Ей земли было
мало... А потом запуржило снегами... От
бессилья закрылись рассветы, вешний
почерк цветов осторожен... Болит... Да
не просит прощенья, прощая неверие
света, лету бросив поклон от нечаянных
прошлых обид...

В страстях седых запуталась Земля,
под стоны весен в безнадёжных судьбах,
прими расплату вечного огня под звон
монет прощений неподсудных. Благих
улыбок – грешная стезя. Пройдёшь по
ней в речах без откровений, забвенья
терпкого принять уже нельзя, не разорвав
цепочку поколений...

«БЛАЖЕНСТВО МУЗЫКИ, ВОЛШЕБНАЯ СТРУНА...»

Музыка ветрого мира, любви и наслаждения, печали и порока, звездного неба и щедрого солнца, ты встречаешь нас каждое утро и провожаешь ночью в свой необъятный простор, ты даритесь нам мгновения гуда и терпкости времени, ощущение понимания мира и своего места в нем...

Звучала музыка, воздушная, как сон, тон флейты так прозрачен и застенчив, журчанье нот под нежный перезвон – и будто защебечет робкий птенчик. Струилась музыка – она во всем права, ей так понятен мир добра и света, и просто не нужны уже слова в закатный крест и в ласковых рассветах. В подарок небу – солнечная гроздь, рискует миг созвучий обмануться, и, будто камешков распавшаяся горсть, дрожит мелодия, зовущая проснуться...

Блаженство музыки, волшебная струна, любви и откровенья безмятежность, ты так раскованна, так искренне нежна, бросая в гнев и страсть, и в праведность, и в грешность. Ты – чудо, музыка, возносишь в небеса, летишь под звезды или прямо к солнцу, ты – пенье птиц, Земли седой глаза и бездна чувств, и свет луны в оконце. Ты вечна, музыка, как вечен белый свет, твоя молитва – торжество мгновенья, мистичность образов, закаты и рассвет, война и мир, и жизни вдохновенье...

И все дозволено, границы стерты, когда ты, музыка, приходишь в милый дом, ну где берешь ты силы для аккордов? Без обсуждений – мы с тобой вдвоем. Ты одинока гаммами печали, и вновь свободна нотная тетрадь, мы душу отведем с тобой вначале, мажор с минором нужно повенчать. Как осторожно звуки прикоснулись к душе моей, рожденные в ночи, и зажжена свеча в обмане улиц, а мы с тобою просто помолчим...

Вновь нахожусь под музыкой любви в безумстве шара грешного земного, в усталости блаженной тишины, в ударе гонга и под гневом слова. Ты бесконечна, рыхлая зима, крест-накрест запечатаны дороги, в сто этажей проклятья, но сама ты не уйдешь..., спасают только боги. Метелью ошарашена земля, не вправе, улыбнувшись, не проснуться, благодарю тебя, любовь моя, за то, что ты была одной минутой...

В первый раз откровенье почувствовав, эта связь откровенно сильна, и в обманчивом ложе прокрустовом гневом взорвана скрипки струна. Скорость времени вздохом сомнения по обугленной грешной земле, пахнет солнце огнем исступления, захлебнувшись в отчаянной мгле...

Диктует волю ветру перст судьбы и направляет дни в слепое русло, ровняют годы музыку борьбы под неустанный взгляд благого чувства. Ты одинок в усталости своей и беззащитен робостью мгновений, прости судьбе в невинности затей препятствий гнев и недоразумений. В том повороте у добра и зла все – в равных долях, и весы застыли, за солнцем ярким – вековая мгла, за ложью правой – вековые были...

Не то настроенье, не пишутся вовсе стихи, и день за окном бесконечен, как серая пристань, и снова несмелы угрюмых столетий шаги, и музыка-жизнь окликает отчаянным свистом. И вот ты опять обреченно стоишь на мосту и на воду смотришь блуждающим искренним взглядом, но, как часовой, на последнем и верном посту, с молитвой любви перед дверью застывшего ада...

Сыграй, скрипач, возьми дрожаньем ноту, почувствуй вкус солено-сладких слез, ты – гений, это лишь твоя работа – тянуть бесславный бесконечный воз...
Греша, скрипач, ведь ты все можешь, право, вновь окупись в мгновение любви, услышав сочное лихое «браво», прости толпе народной, звуком «пли»! Умри, скрипач, под бой чужих ладоней, будь вечным бардом вечности без слов, и пусть печаль твоя, блаженная, утонет в объятьях радости безжалостных оков...

«НОСТАЛЬГИЯ ПО ВЕЧНОСТИ...»

Как хочется понять и принять неизменный поток времени убывающего внезапно детства, прамелькнувшей мгновением юности, наступившей плодоносной зрелости, времени удар и потерь, сожалений и настроений, грусти по ушедшему и невозвратимому...

Ностальгия по вечности озадаченных судеб, ностальгия по верности просто жалостью губит, ностальгия упрямая и бездушием пьяная, ты устала подразнивать, не устала обманывать. Ностальгия рабочая, будни дней одиночества, ностальгия без отдыха лупит боль многоточием, ностальгия недобрая, в подворотне заборная, ты пришла, как раскаянье, хлебным мякишем сочным... Что ж поделать с тобою нам без возврата бессрочного? Ты, без имени-отчества, вся седая, в платочке... Ностальгия безмолвная, птичка грешная вольная, каюсь первой молитвою: от тебя не отвыкну я...

Распарилась душа под зимний вечер,
Бог перенес рассветы и весну, крутым
дождем ложится ночь на плечи, и тянет
сон от шума в тишину. Проспать судьбу
без веры и надежды... У лексикона –
терпко резвый взгляд... И в тот момент
опять зачем-то снежит пощечиной не-
нужный листопад. «Лиха беда начало», –
утро скажет, добро ответит, побеждая
зло, ладонь чужая порезвится сажей, пред
завистью возмездие ушло... Смеется день
под облаком печали, небритый вечер –
снова острослов... Построй свой дом,
встречая те же дали, перед гипнозом
беззащитных снов...

Чужой любви не знаю, не хочу объятий пресных, нежности лукавой, когда душа не рвется к палачу, не жаждет гордости и мимолетной славы. Возьми разбег, оставив за бортом, любовь моя, случайности минуты, признайся: хорошо тебя вдвоем тогда встречали в холод душно лютый? Чужих ладоней грешная жара пьянила остановленное тело, ждала, чтоб осень стуком топора в движении стремительном смелела... Листок березы падает на грудь – и тонет бесконечность во мгновении... Как мне твое отчаянье вернуть, мой бессердечный вечно юный гений?..

Вдыхать безмолвие погасших фонарей, рассвет не слушая в ночи небесной тайной, под взглядом легким ветерка с родных полей, приняв все то, что быть должно и что случайно. В обрыве фраз и теплых рук, и пряных губ настрой, душа, свою свирель пред чистым звуком, безумный мир, ты так же безоглядно глуп своей жестокостью, не ставшею наукой. Но ты гори, небесный свет чужих страстей, не погаси огонь любви земных сограждан, прими на веру самых преданных друзей, ворвавшихся в судьбу твою однажды. Отведав зло, надежду и добро, над бесконечностью наивности минуты, познай обыденности вечное крыло под лунный свет и солнечную смуту...

Мое и не мое в той половине, истоме дня поверить так легко, в твоей судьбе я остаюсь доньше, как робкая надежда облаков... Вновь чудится родным далекий берег, реки быстрину вброд не перейти, по вере невозможности поверить привычке ждать покорности пути. Что остается в нервных поворотах судьбы уставшей, давящей на грудь, от ожиданий прерванных полетов, с которых до рассвета не свернуть?..

Забыть телефоны друг друга падением с высоты, разгулом веселости вьюги разбив зеркала на пласти, обняв звездопадные дали, бросаясь в объятия весны, смиряясь с возвратом печали и грома лесной тишины, Гераклом себя ощущая, не слышать дрожащих шагов, мечтая об осени в мае в ничтожности взорванных слов, уменьшить давление воли, сжимаясь от завязи дней, отвесив поклоны юдоли, став вдвое и втрое сильней... А если останется что-то под ропотом выбора сил напраслиной жалобной квоты прощенье себе отпросив, – ты снова в пути бесконечном к вершинам чужих островов, звонки, как погасшие свечи, отмаянной гордости зов...

Судьбой не стану вечером осенним, в бреду снегов и в летней тишине, дождям не хватит весен и терпенья, пока в окошко постучат ко мне. Любви не станет... А была ли? Правда? Безверие утешит и поймет, последняя ступенька пред бесславием, споткнешься – не вода, а лед. Спешу узнать, как жалобен в неволе росток надежды сонного тепла, забытая любовь в чужих паролях и перед нами больше не смелá...

«ПОЭЗИЯ, ТЫ – БИБЛИЯ МОЯ...»

Совсем иные «ценности» правят сегодня нашим грешным миром, но его Величество Слово поэзии или прозы, прикасаясь к душе твоей, рождает новые ощущения пригастности ко всему тому, что происходит на белом свете без твоего участия, но помогает жить и любить...

Поэзия, ты – Библия моя, мой путь земной, моя земная твердь, и крестное знаменье сентября – пред осенью застенчивой гореть. И падать ниц пред Господом, и жить, бросаясь под колеса бытия, приняв себя такой, какой не быть в ухмылке хитромудрого дождя. Но чувствую тебя, мой верный стих, где букв цепочки замыкают боль, твой голос чист и светел, смел и тих в стремлении постичь земную соль. Тебе служить я буду, как могу, во все года, что посланы судьбой, и жду тебя на грешном берегу, и остаюсь невинной пред тобой...

Мы не чужие в этом мире тлена,
тужить о прошлом не престало нам,
немых столиц ответственного плена так
не хватает братским орденам. Добрейшее
лицо бесцветных развлечений весенних
дней у мартовских ворот, ноктюрн
печален в бесполезных мненьях: прошла
зима нелепостью высот. Как неприветлив
мир греха и горя, и только разум вновь
спасает нас, тепло любви в божественном
миноре не по заслугам, по судьбе воздаст.
Не слышно голосов, и невпопад потери,
рассвет не скоро, ночь еще тиха,
невыносимость боли лирой не измерить,
и не принять спасенье от греха. Нас
поглощают радости и муки, себя не
помня, продолжаем жить, и только тлен
земли рождает звуки, давая силы верить и
любить...

В чем сила женская твоя? В порыве гневного огня любить, прощая?.. Или спасаясь, не губя, благого ждать не от себя и, снова находясь в аду, сдаваться раю?.. Ты, боль проглатывая, – сталь, из пепла обновленной встань, когда растоптаны шаги твоей нечаянной любви, прими удел, не прекословь, свою ушедшую любовь прижми к плечу, ее тепло в насмешке горя не ушло. Ты, вправду, сильная, поверь: другая распахнется дверь – и снова солнце смотрит вверх, его улыбка – лишь для тех, кто сможет жить, назло годам и сизым бешеным ветрам, в ком не погаснет вечность дней... И станешь ты еще сильней...

Мы никогда не встретимся с тобой.
Полет улыбок – растяжимость судеб.
Паломники – расклад земли простой.
Часы нетерпеливы – время судит.
Велеречивы сумерки побед. Но их так
мало для души осталось. Удел любви –
уютный мягкий плед, где тишина с
бессонницей браталась. В седое солнце
светит неба глаз. Мудрейший свет обмана
не заметил. Быль откровений в пред-
рассветный час. Столетие – весеннюю
приметой. Так далеки за гранями веков
твой голос, мыслей бег, прикосновенье
под благодать свободы верных слов и
повторений милости мгновенья...

О Женщина! Твой взгляд неповторим под взрыв весны, родившейся когда-то, за тишиной раскаявшихся зим ты в мир вошла – любовь, война, расплата... Когда молчишь, весь мир ничтожно мал, он затаился под ладонью Бога, заговоришь – и слово, что кристалл, освятит грешный путь: чиста дорога... О Женщина! Ты – щит и меч, и боль, река и бездна вдохновений вечных, ты не играешь, проживаешь роль смешной девчонки в юности беспечной, и зрелых лет под небом – чередой, рука Судьбы ведет неумолимо, как солнце, ты, надежна и горда, и Женщина – твое благое имя... Так будь же счастьем, верности огнем, не забывай свое предназначенье: ты – свет и тень, надежда и любовь, и вера бесконечности мгновенья...

Глаза распахнуты. За облаками – небо. Принять себя такой – пока не по плечу. В судьбе страны иной ты был, а может, не был раскольником беды – на плахе к палачу. Мертвецкий сон-обман, ты снишься бесконечно, твои объятия – ночь, заснеженный туман, стекает воск святой, и тают Божьи свечи, и пламя ветром бьет проклятых истин клан. Лететь – не долететь: смешливы расстоянья, любовь истощена, ей не хватает сил, в глазах – стеклянный свет несбывшихся желаний, бродяжий бунт и горечь от побед...

Лепечут зимы: грусти нет конца,
порогу тьмы не деться никуда, и только
взгляд любимого лица пронзает ночь... В
чем ты, зима, по-своему права? В улыбке
робкой сосен вековых – родные руки,
светлые слова в благоую ночь... Сердца
стучат с весной в унисон, метель зовет в
прогулочный контраст, все это – явь? Или
безумный сон? Седая ночь...

Избранникам судьбы, поклонникам страстей, идущим по крутым лихим дорогам, не остается в мире мелочей, в чем ты не мог не повиниться Богу. И ты бредешь по скалам бытия, забыв о том, кому и сколько должен, с тобою жизнь беспутницей огня, а ты в пути всегда не осторожен. Руби с плеча безжалостную боль, готовь к разрыву вечностные путы, звезде усталой не упасть позволь, не насладившись горькою минутой. И навсегда в манящей суете прости советы встреч и расставаний, пускай уйдут ненужные не те, в ком не осталось боли и страданий...

«МИР НЕ ПРИВЫК К ДОБРУ, ТЕПЛУ И СВЕТУ...»

Удивителен мир нашего бытия, ты рожден в нем, живешь и воспринимаешь все сквозь призму времени, летящего по судьбам твоих современников и по твоей собственной судьбе. Раздвигайся, огорчайся, старайся понять и простить поступки близких и чужих твоему сердцу людей, принимая их такими, какими они есть...

Мир не привык к добру, теплу и свету, к звезде, почившей на излете дня, ко лжи бессильной маленькой планеты, несущейся по бурям и огням. Рассвет наступит, в темноте скрываясь, под гнетом солнца в небе голубом, ответный бой добра со злом встречает всех нас, блаженных, в бешенстве слепом. И не унять стремлений бесконечных, увидев мир, принять его таким, нерадостным, глупеющим, беспечным в усталом крике запоздавших зим. И вдруг понять, что ты – его частица, зимою, летом, осенью, весной, что пред тобой мелькают те же лица идущих в бой или в земной покой. А твой черед – пустое откровенье, где ты уже не царь и не герой, и твой удел – сберечь его терпенье под временем и верною судьбой...

В несправимости земля себя едва не потеряла, но ей роптать уже нельзя, дыхания – ничтожно мало. И стало мало ей любви, все жестче горькие печали, родные дети – хуже тли, ее изменой оболгали. На все готовое пришли, но в быль души не заглянули, давили горло, сердце жгли, лихой победой обманули. Но вечный бой неутомим, она уже теряет силы, и ветер, гордостью гоним, уже копает ей могилу. Она истерзана, слепа, глуха, растоптана и тленна, на ней танцует «гопака» свободный раб на воле пленной. Ты остановлена, земля, и к жизни новой не готова, в речах чужого «короля» не ощущаешь мудрость слова. Прощенья нет твоим врагам, им не знакомо искупление, но ты живешь, назло векам, считая пульс своих мгновений...

Восторгов нет, дрожит глухое море в обман границ, седеющих во мгле, и пенный взгляд бессмысленности горя – как нить блаженства от меня к тебе. Тот риск оправдан вечным искупленьем грехов своих, чужих..., и невдомек, что в тот порыв удачи и везенья вошла любовь, вдруг преподав урок. Ее учеба вовсе не случайна, на месте нашем может быть любой, открыли души – не осталось тайны, и вновь права безумная любовь. Ей отдадим все то, что не сложилось, пронзило сердце завистью добра, кладем себя на плаху за немилость, за все, что ценным было лишь вчера...

И я к тебе однажды не приду, прогноз погоды снова субъективен, внезапно примешь горькую беду в том откровенно жалобном мотиве. Легонько ветер постучит в окно, во взрослый торг несмело приглашая, засыпан путь – свидание одно не тронет, сердца робкого касаясь. В такой компании смеяться не пришлось, зовет природа, радуясь и тешась, у солнца дождь серебряных волос в лесу ворует вечно юный леший. Предубеждений скользких не боюсь, с тобой простившись на излете горя, и в зазеркалье прежней остаюсь, не проиграв, но и не выиграв в споре...

Казалось, не расстаться невозможно, но легче полюбить не довелось, в остатке жизнь простая, где все сложно, где дождь в обнимку с солнцем безголос, где не узнать предательства измены, где все ожоги сердца – чепуха, где тронный зал в объятьях Мельпомены дрожит от гнева и безгрешного греха, где человек не делается лучше, где так гнетет удача и тоска, судьбы бравада и нелепый случай, и провиденья мудрого рука, и верная дорожка, и ступени по счастью на великую беду, где замертво падут чужие мненья раскольников по вере и суду... Главенство права на земле усталой еще нескоро волю победит, но капли крови, трепетной и алой, к тебе приблизят истину молитв...

Имя твое я пишу на ладони, не забывая осенних примет, ветер бескрылый тоску не разгонит, вечность смеется – и вечности нет. В тех очертаньях беды от разлуки правда ютится, глупея, как сон, слышу бродяжки лукавые звуки, беглых земель унисон. Как нестерпимо не хочется драться, места под солнцем уже не занять, сердца земли не устанешь касаться, робости правил – печать. Лето раскроет слепые объятия, примет раскованный зной, сестры судьбы и разлуки собратья строем пойдут за тобой. Не остановишь их рук вожделенных, взгляда любви не унять, в плен я войду и не вырвусь из плена, стражники – верная рать. Лихо закручена память на лица, я остаюсь под венцом, тяжестью горбится жизни страница перед бессильным концом...

Мы жили на этой земле, неправдой себя охраняя, летая на белом крыле, ответов случайных не зная. Улыбкой смущая себя и словом чужим воскресая, мы жили на этой земле, в объятия ада бросаясь. Грешна я, и ты – не святой, желанья обмана везучи, а шарик, как прежде, – земной, надеялся только на случай. Привычно горела земля, себе изменяла планета, и жарило солнце не зря под лепетом нежного лета. Мы жили на этой земле, когда и зачем, – позабыли, искали блаженства судьбе в обмане покинутых крыльев...

«ОСТАНОВИСЬ, ПЛАНЕТНОЕ ДВИЖЕНИЕ...»

Остановить движение планет невозможно, как невозможно остановить саму жизнь во всех ее проявлениях: трепет листвы под нежным весенним ветерком, рождение цветка ранним утром под улыбку солнца в ясном летнем небе, мелодию дождевых капель в осеннем листопаде, полет снежинок в тишине зимы... Планета, ты – верность, живущая в каждом из нас, и мы – твоё продолжение...

К 120-летию В.В. Маяковского

Остановись, планетное движение,
всласть насладившись мира суетой,
отвергнут небеса свое сомненье,
взяв солнце на полуденный постой.
Великих нет, ушло давно величье блаженных,
искренних под беззащитность строк,
и громогласье гроз природы зычной так
придавило, преподав урок.
Засыплет звуками, как нерадивый школьник,
упрямых слов припрятанный мотив поэт
немой, свободы подневольный, ты —
каторжанин, в лихолетье жив.
Зови с собой слепое поколение,
прими закон, не в силах изменить
невежеству тупое поклоненье,
когда и правду-матку нечем
крыть. Любовь отдай бессилью вечных
истин, признав словесный и постылый
хлам, нас подними тем оголтелым
свистом, чтоб сгинул в одночасье
панский хам...

Две половинки шара земного... И слов прискорбных ты не слышишь даже... Не дай ему упасть от человечества больного, от недовольства неба бесхребетной блажи. Устав уставших от земных благодеяний, от драм душевных, вечных, как молитва, прими, приветствуя, без странных одеяний, без вздохов и в единый свиток слитый. У зрелищ хлеб насущный отнимая и по ступенькам славы поднимаясь, не соверши того, что грех ласкает, родимая земля моя, святая...

Что достается каждому по праву? Приняв закон, его не выполнять? Вдыхая ветер ошалевшей праной, впадать в нирвану?.. Вечна благодать. У беззакония нелепые законы – не ты, другой за смелостью спешит и принимает смех судьбы за стоны: так день за днем года свои прожить. За что карает правый меч Господний нас, неразумных в гордости слепой? Вчера ты был, а вот пришло сегодня – и в гневе ты и голый, и босой. Мечтал о лучшем, ни о чем не зная, не доверяя верности седой, стоял у двери на пороге рая, а принял ад разлуки на постой...

Чужими они не станут, на лавочках не посидят, бродя по пустым бульварам под грустный осенний взгляд. Тогда разговор не длится и фразы теряют смысл, и вновь засыпает столица в подъездах усталых цифр. Решающий шаг мироздания по судьбам обманутых душ, когда бесполезны старанья, и в чувствах – словесная сушь. Под пьяные своды вокзала – ночных посиделок тоска, она ничего не сказала, и только дрожала рука. Все рухнуло вдруг бесталанно, осталось так много принять, судьба отстранилась нежданно, плохая примета – молчать. Распахнуты руки и губы у звездных свиданий ночных, слова, как древесные срубы, в стремлении сдерживать их. Под сочность блуждающей ночи, как призраки желтых огней, в порыве глухих многоточий оставлены радости дней... Мой милый, любимый подросток, ты только ее не гони, он ваш, этот сказочный остров в объятьях осенней весны. Быть может, удастся проститься, прощая друг друга навек, пред вечностью – души и лица, и надвое делится грех...

Могла ль стена бесславная упасть без
возвращения, насладившись властью,
прорвав греха святую пелену, обманы
дней, висящих на плаву, лихой задор
покрикиваний злых и зов судьбы,
ударившей под дых?.. Рассвет ненужный,
он и сед, и тих, все, как всегда, разделим
на двоих и примем снова вечных суток
стон, услышав вдруг манящий сладкий
гонг...

Как в равенстве постичь земную сказку от утверждения бренности житья, характер таинства и разума подсказку, и благородство меры бытия?.. Где взять ответы гибнущих вопросов святых молитв и верности святой ушедших в облака солдат, матросов, пронзивших бой своею чистотой?.. И нет ответов в жизнях поколений, принявших боль и смерть случайных дней, познавших радость бешеных сомнений, но не предавших истинность идей... Их судьбы не забыты небом века и солнцем, и снегами, и волной, не потерявших имя ЧЕЛОВЕКА в тех горьких днях моей страны лихой...

Стареет мир, и ты не стал моложе, морщинки смеха в складках кожи глаз, а взгляд судьбы, все старше и все строже, уже не гонит вскачь, обламывая нас. Так много позади, а впереди так мало, и чувств объятья – на разъеме рук, молитвы воскресений солнце отпевало, и звон дождя под небом – просто звук. Ты одинок, а может, под надзором любви седой, зовущей в никуда, у радости, у боли и у ссоры – своя надежда и своя звезда. Ты можешь многое, а многого не можешь, пройдя по детству, юности босой, и счастье, будто косточку, обгложешь, входя в последний неземной покой. И примешь все, идя своей дорогой... Но повернись к седым годам лицом, что было, есть и будет, все – от Бога, в начале жизни и пред вечностным кольцом...

ОСЕННИЙ ПАСЬЯНС

Осень разбросала желтые листья наших гроб и ошибок, разгадала бывшее и ушедшее навсегда... Не зови меня с собою, осень, позволь насладиться знойностью твоих губ и мыслей, твоим беспокойным естеством, твоею неизбежной прелестью того, что уже невозможно....

Лечу на огонек твоей свечи сквозь осень лет, распятие просчетов, она горит, и свет ее молчит, как будто ожидая грешной квоты. И сужен мир, до крайности он мал, и даже боль не знает, где же выход, печать судьбы, наивности обвал, не видит огонька, его не слышит. Не погаси ее, пускай свеча горит, до самой маленькой своей частицы, рождает память истинность молитв и ожидание возможности влюбиться. А что потом? На радость иль беду с тобой останусь вековать рабою, свою свечу зажженной сберегу и вечностью предстану пред тобою...

Дождит. Гнилое настроенье.
Семиподвальная тоска. Ушли удача и
везенье, с улыбкой бросив простака.
Самозабвенная услада – любить под
тяжестью дождя, сомнением брошенного
сада терпенье осени храня. Хвалить
чужое настроенье, в ветрах прощение
сберечь и ждать под птичье диво-пенье
все новых мимолетных встреч. Мой
милый дождь, тебе послушна и знаю, чем
опасен ты: смываешь грязь и чистишь
души в предошущеньи доброты. Тебя
пойму и, может, скоро в тебя войду, как в
новый день, раздам долги, прощая ссоры,
блажую зависть, тьму и лень. Мы будем
вместе долго, вечно, вновь познавая быль
и грех, ты – бесконечен, я – беспечна, а
осень дарит гнев и смех...

И взорвется вдруг мир, засочившись открытою раной, вечный лепет надежд – бесконечное море любви, и останется плыть по заливам грехов бесталанных, солнце честь отдает – снова дарит улыбку зари. Приоткрой ветра шаль, там смарагды не тешат печали, ветер глуп безнадежно в веснушках травы и росы, благодарность судьбе, что утешить нас сможет едва ли, легок осени бег по тропинке лесов полосы. Все, прощаясь, отдай тем, кто грешен и попросту жалок, кто на хлеба кусок смотрит, будто на вещь соль, благодарна любовь тем, кто платит ей самую малость и живет вместе с нею, взрывая и душу, и боль...

Я не в силах тебя забыть, белый берег... Как долго плыть!.. И качает, качает волна лодку утлую... Я плыву, и уже не до сна... Осень, где ты?.. Рукою достать – невозможно... И ветер в лицо – злыми сутками... Осторожность, забыла тебя... Жажда смелости – в метрах огня... Солнце смалит вечерней порой... Ты – пришелец, совсем не герой... Если сможешь дожждаться меня, непогоду под осень кляня, оставаясь на том берегу, где в обмане раскованных губ робость рук и бесправие глаз зачеркнут память прошлого, нас, бросив взгляд в горький ветер потерь, – ты прощанью со мною не верь...

И никого не пощадит скупая чаша – уйти из мира, не оставив след, так велика заслуга, но не наша – вдруг несчастливый вытянуть билет. Легко ли жить судьбе на белом свете, когда ступает осень на порог? Ты вроде не один в немом балете, но все же больше – слаб и одинок. Уйти позволят небо, лес и поле, а там, где не был, прошуршат снега, твой ветер снова – на раздольной воле – по солнцу шарит в заливных лугах... Ему простишь уход свой без оглядки, пройдя осенний путь не торопясь, и шелест дней над прочерком в тетрадке познает силу, насладившись властью...

Стучит терпеливое сердце, прощает надежды любви, ступая, ступая, вступает в расчетливость века, и неторопливо готово там гнездышко свить, бродить по лесам, а потом провалиться по горлышко в реку... Я где-то гуляю по тем одиноким полям, улыбки даря неизменным осенним рассветам, умывшись слезою, унылая прячет заря свою бесконечность, прощаясь с заботливым летом... И все мне не так, расстоянья ворота закрыть уже не сумею – закончились силы... Где та остановка, к которой придется приплыть, хоть ветры упрямые пристани попросту смыли?..

Такая возможность представилась – слукавить в напрасных речах, пред зимами осень преставилась в угрюмых блаженных дождях. Невинностью белой обманута, без солнца и хмурой листвы и обручем слякоти стянута в привычке своей желтизны. Она уходила болезненно, хотела остаться еще, о лете удушливом грезила, уснувши с зажженной свечой...

Все отдам за благо быть с тобой,
чувствовать дыхание вечных сосен,
обнимать соленый гнев-прибой и любить,
смущаясь, даже осень... Шутка-жизнь,
ты – призрачный намек, как часы
песочные, простишься с тем, кто принял
твой лихой урок – пил тебя по капле
третьим лишним...

В осенней прелести солнцестоянья
не слышен шум былых времен, опавший
лист изломом граней спешит к земле на
зимний сон... Руки коснувшись, легкий
ветер запрятал тело меж ветвей и тихой
радостью отметил печальный взгляд
продрогших дней...

«ГЛЯЖУ, ЗИМА, В ГЛАЗА ТВОИ...»

В каждом времени года – свое неповторимое колдовство любви, разлуки, печалей, невозвращений, блаженств и робких радостей верного заснеженного дома наших душ и теплого очага бесконечной веры и надежды...

Вновь усмехнулась холодам бесстыжая зима, ее постылый бабий срам – седая нагота, как те объятия чисты, но мрачны – вечера, она с безволием – на «ты», а будущность – вчера... Под философию снегов тускнеет звездный взгляд, не разожмет своих оков безумия наряд, все, как всегда, и без времен в застенчивости дней, но прямо в сердце поражен безмолвием теней...

Зимой не верится, что все проверится,
что все закрутится под белый снег...
И час, сползающий за грани шалости, в
секундной малости – чужой успех...
Снежинкам чудится: бывшее сбудется, и
счастье ссудится опять весной... Прости
нам грешную улыбку вешнюю под бурю
снежную в тот летний зной...

Отчаялась найти тебя в безмолвии снегов, во влаге летнего дождя и грозových ветров, в обмане лет, благих потерь и нелюбимых дней, и в отражении затей, что злее и черней... Пристроюсь за обрывом гроз, у бездны на краю, не обернусь, совсем уйду и стану ждать в раю, а за спиной – твои глаза и алый цвет небес, хочу познать все, что нельзя, обняв блаженный крест... Но голос твой опять позвал перелистать главу – беспечный солнечный овал вновь раем назову...

Гляжу, зима, в глаза твои, в них
осторожный взгляд забвенья, страсти и
хулы – парад лихих наград, смотрю –
вдыхают небеса, они устали жить, их
гнев постичь уже нельзя, умерив пыл и
прыть... Босые ноги беглых зим ступают
по стеклу, под нераскаяньем своим стою
в чужом углу, приму, зима, все, что
даешь под формулу потерь, наотмашь
бьет рука твоя – и когти точит зверь...
Прильну, зима, к твоим устам и буду
пить до дна хмельную ярость и бальзам,
твой свет и плен огня, не раздави меня,
зима, могуществом своим, живою выйди
мне позволь и полной новых сил...

Контекст речей обманчиво послушен в невинном жесте праведных имен, шумят века, сменяя лица, души и думая все больше о своем, разгул страстей в весенних перезвонах, осенний лист, летящий с высоты, обрывки встреч в троллейбусных талонах, и летняя забывчивость мечты... И вдруг – зима в усталых перегудах спешит прийти, смелея, навсегда, она так жалобна в своих печальных трубах, без солнца, без уюта и тепла под голод чувств в привычке расставанья, что не умеет верить и прощать, снегами в остановленных желаньях с три короба вранья наобещать... О зимняя пора благого ветра, поземкой стелется в спящей грусти снег, заносит память лихо, метр за метром, себя не помня в бешенстве утех... Что достается нам, земным и грешным?.. Стремиться в прошлое под будущность границ?.. Или принять законы судеб прежних, перед зимою падающих ниц?..

Когда ты кончишься, зима? Когда совсем уйдешь из сердца и вновь останешься сама в плену проигранного скерцо? Когда, оставив суету, ты сможешь юною проснуться и, как тростинка на ветру, весной свободы обмануться? Ты попрощаешься, зима, со всем, что было и что будет, и побредешь уже сама, но по изломам наших судеб...

Заснеженною вечностью иду, без сна,
без остановок и рассветов, бросая под
ноги свою беду, раскаянье печатями
обетов. Прости меня за верности крыло,
что не накрыло, не спасло однажды,
закрыть тебя от боли не смогло, не
заслонило от пурги отважной. Не повер-
нуть обратно колесо, не возвратиться в
зимний день туманный, сквозь воздух
вечности – твое лицо в обманах осени,
безумной и бесславной...

Когда останусь я совсем одна под серым небом, вечным и бескрылым, мгновенно ляжет горькая зима, а сбросить снег уже не хватит силы... Погаснет день в ответах непростых, проснется ночь немим усталым взглядом, посмотрит жизнь: в обителях земных смеются люди в предвкушении ада... Я не смеюсь, но плакать не посмею: Всевышнего гневить – великий грех, прости, Господь, за то, что не умею слезу бессильную наматывать на смех...

Дай мне огня... Не оболгать его, не опечалить вечностью земною, не закоптить чужое бытие, не отдохнуть от кротости и воя. В испуге осень, половина дня грустит в цветах коричневатокрасных, мне дай спасенье в благодати огня и избавленье доле безучастной. В твоём огне растает голый снег, пройдет зима в вороньих шумных стаях, блаженство ночи, не прощая грех, все по местам в бессилии расставит. А твой огонь, беспечный и простой, почуяв вдруг свободу и спасенье, вновь примет сердце в ошалевший зной, приветствуя былое возрожденье...

«МУЩРУЕТ ВРЕМЯ НАС, ОБЕЗДОЛЕННЫХ...»

Время, немалое, беспристрастное, ветное, вдохновенное, лукавое, беспощадное, не останавливай ни на минуту свой бег, гони нас, бесстрашных, в своем стремлении оставить свой след на этой земле и в памяти твоей маленькой песинкой бесконечной Вселенной...

Время, времечко, гони нас только вперед, без оглядки...

Блуждающим по тропам бытия без остановок на ночлег и волю раздаст долги страдальца-земля на празднике беспомощной юдоли. Зазнался ты – и будто бы ослеп, клонирован, любовью заклеянный, но знамя есть и есть фамильный герб, безжалостный, как провод оголенный. Ты одинок в плену извечных догм, они устали диктовать советы, и ты устал вонзаться в чуждый слог и принимать нелепые обеты. Архитектура зданий так проста и лишена изящности дворцовой, но нищета – земная красота тарелки каши утренне перловой. Блуждают души по ветрам потерь, приобретений и бумажных истин, бездонность веры чистотой измерь, теплом свечи без посторонних мистик. Не стань рабом безволия и лжи, не опустишь до уровня подполья, готовься к бою, наточив ножи и крест святой приняв под изголовье. Еще бредешь в потемках бытия, еще живой под манною небесной, но немые реки и глухая земля, а берег – он все круче и отвесней...

Но где тот рай, который обещали? Так просто все, до обморока – дождь. Летели птицы, тишиной шептали, что снова ты однажды не придешь... Раздай долги, заплаты на коленях иголкой с ниткой молча прихвати, освободись из плена лишних мнений, не понарошку все-таки уйди... Рисует небо рай большой и теплый, завоеватели придут, а места нет. Мазок ручья, цветов молчащих вопли, и всюду – солнце безучастных бед... Так будет, если вечность на мгновенье утратит власть свою и силу бытия, упрямых рук слепое единенье, а там, внизу, – безумная Земля...

Улетела птица синяя, все просила: не покинь меня, все молила: защити меня от навета злого имени... Отлетала птица синяя, без надежд, в ветрах простуженных, без любви, что дарит суженый, да без веры просто сгину я... Дай крыло мне, птица синяя, веру всеу не покину я, забери в далекий край меня, где летают только ты да я...

Я вручаю тебе бессердечность огня, долгий спор о всесильности жизни, мир, я знаю: когда-то не будет меня, и на судьбах других ты повиснешь. Без противника бой и бессмыслен, и глуп, и смешно поклонение страху, утверждений нелепых, слетающих с губ, не потерпит ни стих, ни бумага. Героизм – на добро, ну а зло – помолчи, забываешь – в атаку ходило, и тогда даже солнце теряло ключи от безмолвного неба могилы. Все забыто давно, самозванцам – простор, зорко смотрят во вражеский лагерь, снова слышен плывущий над толпами ор – притча стала счастливою сагой. Вот и в этой земле ты опять не в чести, в строчках нервных не будет спасенья, только против теченья так трудно грести, как бросаться от славы к забвенью...

В духовном облике планеты так мало настоящих лиц, так мало утверждения света и бытия, где нет границ. Характер – тайна поведений и связка бешеных потерь, и будь пророк ты или гений, венец природы – просто зверь. Ты, наслаждавшийся величием, духовно беден, но живешь, и этот бег по дням привычен, и вряд ли правдой станет ложь. Умерь свой пыл, Творца заслуга, отдайся духу без наград, напором жизненного круга входя с судьбою даже в ад...

Муштрует время нас, обездоленных, непризнанных гениев волей-неволею, не преданных бегу по дням неприкаянным, собою поправших все истины Каина. Безжалостно топчет Земля нас, неискренних, болезнью замученных вечными жизнями, отселенных напрочь от прошлого ценного, охрипших от крика, со вспухшими венами. Ну, сколько продержимся в этой усталости от прежних забав, от обиды и жалости, на скольких разделим, разрубим грядущее в признании залпов по празднику сущему?..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Истинный стих изначально заложен в самой стихии языка (А. Шопенгауэр), стало быть, поэт каждый раз филогенетически повторяет процесс словорождения. Поэтическое творчество начинается с создания новых соединений из подготовленного словесного материала. Каждый творец желает довести свое «детище» до идеальной формы. Именно эту звуковую идеальность наблюдаем в новом сборнике лирики Елены Мамчич.

Осознав, что традиционное строфическое построение мешает передаче смысловой наполненности стиха, написав текст без строк, автор преодолела ритмическую скованность. Тем более, что цезурное членение строк в ряде случаев усложнено астрофичностью построения стихотворений. Бесперывная мысль, когда строка «цепляется» за строку, отделение ударных слогов безударными разнообразит ритм произведений: «Доказано временем четким, и дружба совсем не в чести, швыряет под утлую лодку безумие вечной

тоски, погаснет и эта отрада, оставив от солнца лишь мрак, чужого прощенья не надо, а небо смеется – пустяк...» Лирик экспериментирует с метрикой, широко использует разные виды неточных рифм (диссонанса, ассонанса). Поэтесса сознательно или неосознанно, но вместе с ассонансами, аллитерациями и конечной рифмой использует внутреннюю рифму, которая часто становится сквозной, что также обогащает звуковую инструментовку стиха. Кроме того, в сборнике встречается верлибр, который выразительно, эмоционально и органично передает интеллектуальное творчество поэтессы: «Не хватает друзей, не хватает тепла, и обманов любви не хватает... Неужели у солнца, без крыльев, одна – на пороге блаженного рая?..»

Осмысление человеческого бытия в его детерминированности космическими силами мироздания предопределено в поэзии Елены Мамчиц жизнеутверждающими интенциями и ощущением бытийной тревоги, поэтому тональность стихотворений печально-трагичная и светлая. Поэзии наполнены христианской верой во всепрощение и отпущение грехов, а

также «философией сердца»: «Безвремяе сущностью станет, и примешь обыденный прах, ты, время, опять не обманешь, безжизненно тая в словах...»

Стихам присуща усложненность ассоциативных связей, эмоциональная обостренность образов. В психологическом аспекте основное внимание обращено на душевное состояние лирического персонажа. Интертекстуальность, использование античных, библейских источников, мифологических образов, свидетельствует о близости автора с поэзией постмодернистов.

Д. Самойлов в «Книге о русской рифме» подчеркивал, что строение стиха определяет звуковой состав рифмы, которая «является возбудителем ассоциаций, катализатором поэтической мысли». Известно также, что параметром оценки рифмы как эстетического явления может служить ее банальность – оригинальность: «лукавой – слава; трапезных – помпезной; надежды – скрежет; одночасье – счастье». Оригинальность привносят не только редко употребляемые слова, а и сложные рифмы. Точные рифмы у Елены Мамчич почти всегда предопределяют

утонченную словесную игру. Эта игра может быть то графической, то звуковой: «рассвету-одетой; вины-взаимы; окраин-святая; бывшее-строишь; струи – всеу; аметист – чист; по-другому – знакома». Следует напомнить, что внутреннюю рифму широко использовали русские символисты, особенно В. Брюсов и К. Бальмонт (последнего русский ученый В. Жирмунский считал «мастером внутренней рифмы»). Однако вопрос точности-неточности рифм в разные эпохи трактовался по-разному. Предел для каждого отдельного случая определяется литературной традицией и, безусловно, индивидуальными предпочтениями поэта.

Особое внимание в звуковом рисунке стихотворений отведено пунктуации, которая способствует воспроизведению самых тонких оттенков переживаний – спокойствия, умиротворения, надежды, бессилия, пафоса и т.д.

Поэтическому стилю автора сборника стихов присуще утонченное понятие эстетики. Произведения насыщены условными формами, которые по мере прочтения конкретизируются, наполняются интимными переживаниями, в которых отсутствует сверх-

эмоциональность, но они насквозь лиричны, романтичны и одновременно интеллектуальны, углублены в христианскую символику. Перед читателями душа современника, который преодолевает противостояние бытия-небытия, иллюзию счастливой действительности и потустороннего пребывания. Лирический герой «откручивает» киноплёнку, чтобы разобраться в очевидных вещах «как ты скоротечна, полосочка века, отмерена бешенством дней, смываешь волною безжалостной реку, лишь точками – радость на ней».

Примечательно, что стихотворения объединены несколькими мотивами, которые актуальны для творчества сегодняшних поэтов, поэтому мы вправе называть автора ярким представителем поэзии конца 20 – начала 21 веков: безвременье, одиночество, перемены, грусть былого и т.д. Хотя сборник имеет цельную структуру, его можно условно разделить на две составные части – «Время перемен» и «Божественная Любовь».

Перед стихотворениями автор предлагает некое философское видение нижеследующего текста. Несмотря на избранную «притчевость» подачи материала, стихотворения

лишены характера нравоучительства. Это скорее размышления путника, который пытается отыскать на карте времени координаты свои и соплеменников. И хотя реалии в поэзиях Елены Мамчиц оголены, познавательный скепсис, освещающая горькую правду, окрашен в минорные тона, – в них нет надрыва. Это напоминание нам о том, что боль потерь, несправедливость мироздания перекрываются одухотворенностью душевной красоты лирического «я», настоящей теплотой чувств, интеллектуальной высотой, «открытостью» текстовых сюжетов.

Искренние, свежие чувства лирического героя передаются через метафоры разных видов: «метелью ошарашена земля»; «это тихо любовь прошептала... прошуршала дождями в упругих осенних ветрах»; «скитаюсь по отблескам залповых солнечных оргий заброшенной птицей – ей больше не нужен покой». Стихотворения вызывают гамму переживаний и навевают размышления – от философской осознанности текучести времени и вечности любви до эстетического наслаждения красотой поэтических строк, мастерски подобранных автором. В интер-

претации мотивов библейских тем поэтесса акцентирует, что индивидуальное бытие человека происходит на фоне цикличности земных жизненных процессов. Кроме того, поэзия насыщена культовой атрибутикой, символическими христианскими деталями, которые воплощены в строках: «духовный облик планеты», «тропы бытия», «теплом свечи», «печаль твоя блаженная», «спасает гневом всеу», «грешный перст».

Итак, уважаемый Читатель, книга перед тобою, и только ты сможешь по справедливости оценить ее достоинства и недостатки.

*Елена Сазонова,
кандидат филологических наук,
доцент*

СОДЕРЖАНИЕ

«У ВРЕМЕНИ – СКВЕРНЫЙ ХАРАКТЕР...»	4
У времени – скверный характер.....	5
В характере любви.....	6
И если ты один.....	7
Нерукотворное творенье пустоты.....	8
В себя влюбить посмей	9
Так чуток времени разбег	10
Я так хочу тебя увидеть, Мама.....	11
«В ОБУГЛЕННЫХ СТОЛЕТЬЯХ...»	12
В обугленных столетях	13
О этот шум многоголосый	14
Судьбы эти с корнями вырваны.....	15
Совсем другая жизнь.....	16
Блаженная беспутная планета	18
Мы не привыкли воевать	19
За правду бесполезности страны.....	20
Ломали колокол	21
«ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД ДОРОГОЙ БЕЗ КОНЦА...»	23
Движение вперед	24

Под огоньком земного бытия.....	25
Конверт почтовый кораблекрушений ..	26
Неповторимость каждого мгновенья....	27
Опять начинается старая песня.....	28
Я вижу мир таким, как есть.....	29
«БАЛЛИСТИКА ЛЮБВИ...»	30
Отверженным, оставленным	31
Слева и справа – опасность удачи	32
Рискую я, рискует белый свет.....	33
А на дворе – эпоха одиночеств	34
Я помолюсь с тобою за тебя.....	35
За дирижерским пультом.....	36
Швыряет на землю	37
Там, где выцвели травы	38
Молчу... И вновь молчу...	39
В моей молитве – бесконечность.....	40
Нашепчу себе вечность рассветов	41
В лесу глухом из слез.....	42
Наивная, думала	43
В чем ты, любовь, открыта.....	44
«В СЧАСТЬЕ И В ГОРЕ ТЫ ВНОВЬ ОДИНОК...» ..	45
И это все называется – жизнь?.....	46
Остановитесь! Я – живая.....	47

Приглушено солнце рассвета... ..	48
Я готова уйти	49
Не хочу быть твоей.....	50
И, птиц летящих обнимая взглядом.....	51
Трагический проступок.....	52
Не остаюсь под солнцем сизокрылым..	53
«Я ЗНАЛА ДОБРО И НЕГУ, И ДРУЖБЫ МИРСКОЕ ЗЛО...»	54
Дружить с собой	55
О верная дружба	56
Я знала добро и негу	57
Не возродить былую славу	58
Доказано временем четким.....	59
Спасу себя от темноты	60
Все станет бывшим.....	61
Не хватает друзей	62
Осталось так мало медалей.....	63
Чужие люди в масках затрапезных.....	64
«И СНОВА С НЕБОМ – ВЕЧНОСТЬ-ФАТУМ...»	65
Я прыгну с обрыва.....	66
Остроконечная лавина	67
О одиночество! Святая простота!	68
Мир приключений.....	69

На ощупь, путаясь в ветвях	70
Горька дорога переменой	71
Отчаянье века	72
Миг откровений.....	73
Сомкнуты губы.....	74
«В СТРАСТЯХ СЕДЫХ ЗАПУТАЛАСЬ ЗЕМЛЯ...» ...	75
Нас, не любимых благостью небес	76
Неси меня, бесстрашная планета.....	77
И, оставаясь вечной недотрогой	78
Моей душе – совсем не столько лет	79
От гордости ночи до смелости дня.....	80
И ослепил меня огонь	81
Следы на песке... ..	82
В страстях седых запуталась Земля.....	83
«БЛАЖЕНСТВО МУЗЫКИ, ВОЛШЕБНАЯ СТРУНА...»	84
Звучала музыка, воздушная, как сон	85
Блаженство музыки.....	86
И все дозволено	87
Вновь нахожусь под музыкой любви... ..	88
В первый раз	89
Диктует волю ветру перст судьбы.....	90
Не то настроенье	91
Сыграй, скрипач.....	92

«НОСТАЛЬГИЯ ПО ВЕЧНОСТИ...»	93
Ностальгия по вечности	94
Распарилась душа	95
Чужой любви не знаю	96
Вдыхать безмолвие.....	97
Мое и не мое	98
Забыть телефоны друг друга	99
Судьбой не стану	100
«ПОЭЗИЯ, ТЫ – БИБЛИЯ МОЯ...»	101
Поэзия, ты – Библия моя.....	102
Мы не чужие в этом мире тлена.....	103
В чем сила женская твоя?	104
Мы никогда не встретимся	105
О Женщина! Твой взгляд.....	106
Глаза распахнуты.....	107
Лепечут зимы	108
Избранникам судьбы.....	109
«МИР НЕ ПРИВЫК К ДОБРУ, ТЕПЛУ И СВЕТУ...» ..	110
Мир не привык к добру.....	111
В неисправимости земля.....	112
Восторгов нет.....	113
И я к тебе однажды не приду.....	114
Казалось.....	115

Имя твое я пишу на ладони.....	116
Мы жили на этой земле	117
<i>«ОСТАНОВИСЬ, ПЛАНЕТНОЕ ДВИЖЕНИЕ...»</i> ...	118
Остановись, планетное движение	119
Две половинки шара земного.....	120
Что достается каждому	121
Чужими они не станут	122
Могла ль стена бесславная упасть.....	123
Как в равенстве постичь	124
Старее мир.....	125
<i>ОСЕННИЙ ПАСЬЯНС</i>	126
Лечу на огонек твоей свечи.....	127
Дождит.	128
И взорвется вдруг мир	129
Я не в силах тебя забыть.....	130
И никого не пощадит	131
Стучит терпеливое сердце.....	132
Такая возможность.....	133
Все отдам за благо быть с тобой.....	134
В осенней прелести	135
<i>«ГЛЯЖУ, ЗИМА, В ГЛАЗА ТВОИ...»</i>	136
Вновь усмехнулась холодам	137

Зимой не верится	138
Отчаялась найти тебя	139
Гляжу, зима, в глаза твои.....	140
Контекст речей.....	141
Когда ты кончишься, зима.....	142
Заснеженною вечностью иду.....	143
Когда останусь я совсем одна.....	144
Дай мне огня... ..	145
«МУШТРУЕТ ВРЕМЯ НАС, ОБЕЗДОЛЕННЫХ...» ..	146
Блуждающим по тропам бытия.....	147
Но где тот рай	148
Улетела птица синяя.....	149
Я вручаю тебе бессердечность огня....	150
В духовном облике планеты.....	151
Муштрует время нас	152
ПОСЛЕСЛОВИЕ	153

Літературно-художнє видання

Мамчич Олена Борисівна

У ЧАСУ НА ГОСТИНАХ...

Лірика

Чернігів, Видавець Лозовий В.М.,
мова російська

Час, суворий, неблаганний, невідворотний, швидкоплинний, що несеться зі страшною силою, залишається у пам'яті століття, приймаючи нові покоління, – ти блукаєш долями і душами землян, що перебувають на цій планеті тільки одну мить. Благослови нас, дітей твоїх, що крокують стежками життя з вірою, надією та любов'ю...

Нова лірична збірка чернігівської поетеси Олени Мамчич вміщує твори різних років, звернені до Читача, який розуміє та відчуває ці численні нюанси довкілля.

Литературно-художественное издание

Мамчич Елена Борисовна

У ВРЕМЕНИ В ГОСТЯХ...

Лирика

Литературный редактор **Елена Сазонова**

Технический редактор **Валерий Лозовой**

Художник **Анна Морозова**

Фото **Валерий Шайгородский**

Компьютерная верстка **Ольга Полковник**

Компьютерный набор **Елена Мамчич**

Корректор **Ирина Калинина**

Підписано до друку 15.10.2014.

Формат 60x84/32. Папір офсетний. Гарнітура TimesNewRomanCyr.

Ум. друк. арк. 5,25. Ум. фарб.-відб. 5,25. Обл.-вид. арк. 4,88.

Зам. 0119. Тираж 250 прим.

Видавець Лозовий В.М.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції

Серія ДК № 3759 від 14 квітня 2010 р.

14005, м. Чернігів, вул. Мстиславська, 56/34

Тел. (0462)972-661

www.lozovoy-books.cn.ua

Віддруковано ФОП Лозовий В. М.

14027, м. Чернігів, вул. Станіславського, 40